

В архитектуре любой эпохи отражается то, чем человеческое сообщество является на самом деле. Современных обитателей квадратных метров в жилых комплексах окружающая среда делает потребителями, жаждущими острых эмоций. Здания-аттракционы, являясь своеобразными архитектурными «усилителями вкуса», удовлетворяют эту жажду на короткое время. При всей замысловатости формы они подобны яркой упаковке. Мы живем в культуре упаковки, презирающей содержание, в культуре симулякров. Архитекторы, их заказчики и те, для блага которых якобы и строятся сооружения массового потребления, не отдают себе отчета в том, что они проживают свою единственную жизнь в окружении ложных предметов и с ложными целями, что настало время симулякров.

Ключевые слова: архитектура; общество; упаковка; симулякры. /

Architecture of any epoch reflects the real situation in human society. The surroundings turn today's tenants of square meters in residential complexes into sensation-seeking consumers. Being a kind of architectural 'flavour intensifiers', amusement buildings satisfy their demands for a short time. With their sophisticated form, they look like a bright wrapping. We live in the culture of wrapping that treats content with contempt, in the culture of simulacra. Architects, their clients and those for whom such consumer structures are built fail to realize that they live their only life being surrounded by false things and having false goals. They don't realize that the time of simulacra has come. Keywords: architecture; society; wrapping; simulacra.

< Рим. Античные руины

Architecture parlante или время симулякров / Architecture Parlante or the Time of Simulacra

Человек не свободен от своих вещей, вещи не свободны от человека.

Жан Бодрийяр

Понятие «симулякр» впервые появляется в латинских переводах Платона. Греческий философ разделял материальный мир и трансцендентный мир идей. По Платону, идеи (эйдосы) воплощаются в реальных предметах. Искажения недопустимы. Но иногда в процессе воплощения происходят ошибки, и появляются «эйдолоны» – ложные копии, искажающие идею-прототип.

В XX веке идею симулякра стали развивать французские философы Жорж Батай, Жиль Делёз и Жан Бодрийяр.

Делёз высказал мысль, что сам человек является симулякром: Бог сотворил человека по своему образу и подобию, но в результате грехопадения подобие было утрачено, сохранился лишь образ. По Бодрийяру, основное свойство симулякра – маскировать отсутствие настоящей реальности. Философ считает, что симулякры становятся реальнее самой реальности и из этого возникает гиперреальность, то есть замкнутая на самой себе среда, которая уже никак не соотносится с объективной действительностью. Он выделяет четыре стадии бытия симулякра.

1. Отражение реальности – копии. К примеру, портретная фотография.

2. Искажение и маскировка реальности – функциональные аналогии; например, грабли как аналог руки.

3. Соккрытие реальности и подлог (модель отсутствующего). Знак, скрывающий, что оригинала нет. Собственно, симулякр.

4. Утрата связи с реальностью, обращение знака в собственный симулякр. Оригинал отсутствует, и знак этого не скрывает.

Современная архитектура подобна портрету Дориана Грея. Люди могут увидеть в ней отражение того, чем они являются на самом деле. Для того, чтобы решиться на такую рефлексию, требуется воля и мужество; она небезобидна: выводы могут быть отнюдь не комплиментарными. Может быть, оттого так трепетно относились к архитектуре своих дворцов правители. Судьба резиденции Екатерины II, Царицыно, наводит на мысль, что от-

каз продолжать строительство дворцового комплекса по проекту Василия Баженова – не прихоть императрицы, а нежелание видеть свою репрезентацию в формах, где мотивы западноевропейской готики сочетаются с формами московского барокко XVII века. Баженов отказался от идеи монументальности, от величественных классицистических форм единого дворца, которые, казалось, были обязательны для императорской резиденции. Поэтому уже почти законченный дворцовый ансамбль был заброшен, а архитектор попал в опалу.

Во все времена правители тщательно выстраивали свой образ средствами архитектуры. И неважно, чем они были на самом деле. Архитектура должна была утверждать их величие на невербальном уровне. Много лет Павел I вынашивал замысел дворца, который бы выражал его жизненное кредо. Михайловский замок – его каменный манифест. И недаром этот таинственный дворец-замок так отличается от дворцов Екатерины. «Тот факт, что Павел Петрович обдумывал проект много лет, а воплотил в рекордно короткие сроки, дает нам повод предполагать, что мы имеем дело с произведением, чья концепция задумана одним человеком и осуществлена практически без искажений» [1]. В Михайловском замке нет случайных форм, но он не сочетается с привычными представлениями о внешнем виде классицистических зданий. Архитектура резиденции Павла I была неорганична для Петербурга рубежа XVIII – XIX веков в той же мере, что и фигура самого Павла, которого после его трагической гибели предпочитали изображать деспотичным придурком, в то время как это был один из самых образованных людей своего времени. «Известно, что он хорошо разбирался в архитектуре, как и во многих других сферах современного ему знания. По свидетельству воспитателя юного цесаревича С. А. Порошина (а он вел дневник, куда записывал ход обучения), будущий император с раннего детства интересовался архитектурой и уже в одиннадцать лет имел возможность обсуждать эту тему с самим Василием Баженовым» [1].

Парадные фасады особняков и доходных домов, построенных до XX века, ориентировались на архитектуру дворцов правителей и тоже были отражением взглядов своих владельцев. Architecture parlante! [2]

текст
Елена Багина /
text
Elena Bagina

Бенито Муссолини ощущал себя потомком древних римлян и хотел видеть Рим близким к античному оригиналу. Одним из множества титулов Муссолини было звание «основатель империи». Рим начала XX века был живописен и великолепен, но он не выглядел столицей империи, а Муссолини хотел видеть его именно таким. Для этого среди прочего нужно было проложить широкие улицы и расчистить пространство вокруг крупных античных памятников. Что и было сделано. В тридцатые годы дуче приказал построить новый «форум Муссолини». Здание должно было быть больше собора Святого Петра и Колизея. Над всем комплексом должна возвышаться колоссальная бронзовая статуя, символизирующая фашизм: полуобнаженная фигура Геркулеса, поднявшего одну руку в римском салюте, а другой сжимающего жезл, причем мифический герой должен был иметь черты лица Муссолини. Дуче перекраивал Рим в соответствии со своими представлениями о величии. Архитектор Сталин – Москву. Аллюзии императорского Рима легко читаются в архитектуре тоталитарных режимов.

v Михайловский замок

Но о чем говорит внешний облик сооружений эпохи демократии? Власти все так же предпочитают симметрию, мрамор и монументальность, и архитекторы как бы понимают, о чем идет речь, но следовать напрямую в своих решениях заветам Иофана, Шпеера и Пьячентини считают неполиткорректным. Поэтому в ходу неявные цитаты. Но сооружения для властных структур – отдельный разговор.

О чем говорит облик зданий для народа? О том, что обладателей квадратных метров в жилых комплексах стараются сделать примитивными потребителями, жаждущими острых эмоций? Ведь недаром в одном торговом центре устраивают аквариум с акулами, в другом – горнолыжный комплекс, в третьем – песчаный пляж и бассейн с морской водой. Торгово-развлекательные центры (моллы) в структуре современного города играют огромную роль. Нередко их внешний облик отдаленно напоминает дворцы, тогда как на самом деле они являются огромными сараями. Это не настоящие дворцы: скорее, их приблизительная, испорченная копия, которую Платон называл эйдолоном. Но это тоже здания власти.

Архитектура говорит, и самое страшное, что она говорит правду. Но редко кто хочет смотреть этой правде в глаза. Сегодня она груба и жестока. И потому люди предпочитают жить в мире иллюзий, чувствуя, что на самом деле небоскребы и моллы – обманка, декорация или рекламная декларация, а настоящая архитектура когда-то существовала и, возможно, даже существует сегодня, но не для них. И потому в барах и кафе, которые размещаются в старых домах, дизайнеры так охотно обдирают штукатурку, обнажая кирпичную кладку, а посетители прикасаются руками к шершавой поверхности кирпичей, таких живых и индивидуальных, хранящих воспоминания о глине, огне, руках каменщиков. Эти кирпичи – настоящие, чего не скажешь о мишуре прочего окружения.

Как могло случиться, что архитектура потеряла одно из самых главных своих измерений – время – и стала строительным дизайном, а здания превратились

в агрегаты, которые не будут восстанавливать, когда они технологически устареют? О них не будут горевать – их просто снесут и заменят новыми. Время их жизни все укорачивается и укорачивается. На протяжении XX века в Нью-Йорке на Манхэттене исчезло бесчисленное количество строений. Нравилось это горожанам или нет – застройщиков никогда не интересовало. Средний возраст сооружений в центре Нью Йорка составляет 75 лет. Иногда сносят здания, построенные чуть больше десяти лет назад. Снос – часть государственной программы. Власти Нью-Йорка уверены, что не соответствующий новым стандартам фонд неинтересен арендаторам. А стандарты меняются очень быстро. Достаточно посмотреть на японские чудо-унитазы, которые разве что не разговаривают.

А как же память? А как же идентичность? Куда смотрят те, кто еще не научился отличать симулякры от подлинников? По всему миру ординарные каменные строения XIX и начала XX века исчезают. Памятники архитектуры

в Саграда Фамилия, Барселона. Фото Елены Багиной

^ Нью-Йорк

нередко продолжают жить в чуждой среде, в окружении стеклянных строений, подобно обломкам кораблекрушения на пустынном берегу.

Еще интереснее дело обстоит с шедеврами интернационального стиля. Многие архитекторы уже не в силах понять, чем, собственно, отличаются творения Миса ван дер Роз от того, что они рисуют на компьютерах. Почему творения Миса – шедевр, а у них получается нечто, напоминающее упаковочный ящик, не претендующий на долгую жизнь? На месте отжившего свой короткий век сооружения тут же вырастает подобное, разнящееся со снесенным количеством этажей, сочетанием призм и кубиков на фасадах, а в последнее время еще и наличием цветных или светящихся вертикальных черточек. Отсутствие глубокого философского смысла, отличающее архитектурные творения недавнего прошлого, в современных сооружениях – секрет Полишинеля. Строения эти – симулякры, которые, по выражению Жана Бодрийяра, стали реальнее самой реальности и породили гиперреальность, где прозрачные бассейны висят в воздухе на уровне пятидесятого этажа, акулы заглядывают в глаза посетителям магазинов, нагруженных покупателями, сияет искусственное солнце, а деревья в замаскированных кадках создают из жилых домов иллюзию рощи на холме [3].

> Царицыно. Литография XIX века

Некогда образом для земной архитектуры был Небесный Иерусалим, но этот эйдос уже давно не является путеводной звездой даже для храмовой архитектуры. На территории Военно-патриотического парка культуры и отдыха Вооруженных сил России «Патриот» в Одинцовском районе Подмосковья хотят построить «Главный военный храм страны». Зачем и почему он столь мрачен? Храмы Небесного Иерусалима светлы. Вероятно, образы военной техники не давали покоя архитекторам. Храм – симулякр танка, бронетранспортера, зенитно-ракетной установки С-400? А чего стоит само выражение «Военно-патриотический парк культуры и отдыха», которое тоже имеет природу симулякра, но только несколько иного вида.

Михаил Филиппов не без оснований считает, что новые строения подобны упаковке. «Современная архитектура и дизайн предметов имеют абсолютно тождественные принципы. Дом, радиоприемник, океанский лайнер и коробка от обуви сделаны, словно в одной художественной программе. Путаница канонических форм лишает архитектуру образа, она становится без образа, то есть безобразной. Именно поэтому любой современный фасад как чужеродный предмет портит среду старого города... Упаковка – это не форма. Это хранилище формы, производное от нее, форма неотделима от существа, а упаковка отделима, она сохраняет и сдерживает бытие» [4].

Уругвайский писатель Эдуардо Галеано высказался еще резче: «Мы живем в мире, где похороны важнее покойника, где свадьба важнее любви, где внешность важнее ума. Мы живем в культуре упаковки, презирающей содержание». Мы становимся идеальными потребителями, для которых упаковка, как блесна для щуки.

Туристы, приезжая в Рим, Париж, Венецию, Москву инстинктивно стремятся в исторический центр, игнорируя новостройки. Архитекторы публикуют в социальных сетях бесчисленные фотографии шедевров архитектуры прошлого. Чем вызван такой всплеск пассивизма? Тем, что новые строения в большинстве своем симулякры, маскирующие отсутствие индивидуальности. Архитекторы проектируют, строители строят, но люди, которые вынуждены жить в новых домах, посещать торговые центры не испытывают к ним никаких чувств. Филиппов прав –

< Иркутск, деревянная архитектура

это легкая, прочная, аккуратная упаковка. А что внутри? Тоже ящички и коробочки, которые называют мебелью рядом с шедеврами мастеров-краснодеревщиков и прошлого, и настоящего как-то даже неприлично.

И сделаны эти упаковочные коробки не из тех материалов, которые можно было бы назвать настоящими – дерево, камень и металл имитируется пластиком, кожа заменяется синтетической. Мы носим одежду, которая похожа на настоящую одежду, едим продукты, имитирующие настоящие. Но кто-то конечно, ест не крабовые палочки, а настоящее крабовое мясо, живет в домах, построенных из камня и дерева. Социальное неравенство было всегда, даже в обществе, где все считаются равными, есть «равнее». Но, пожалуй, до XX века симулякров в архитектуре было гораздо меньше. Были дворцы и хижины, но и богатые, и бедные дома были настоящими. Сегодня симулякры – для неимущих. Но и состоятельные граждане порой не могут отличить настоящее от симулякров. Общество заигралось с аттракционами, красивой упаковкой и усилителями вкуса.

Настоящее до сих пор ассоциировалось с природным, а природное – с индивидуальным. Но природные материалы давным-давно стали заменяться искусственными. Никто против искусственных материалов ничего не имеет. Они обладают свойствами, которые отсутствуют у природных, легче обрабатываются; у них множество иных преимуществ, но они не обладают индивидуальностью. Нельзя сказать, что они замещают нечто настоящее. Эти материалы самостоятельны. Другое дело, что их очень широко используют для имитации. Когда для новых материалов будет найдена адекватная индивидуальная форма, наполненная смыслом, они станут настоящими. Но пока с их помощью создаются обманки – они будут восприниматься как эрзац, заменитель, симулякр. При всех стараниях архитекторов новые строения, какими бы изощренными они ни были, тоже чаще всего страдают отсутствием индивидуальности.

Симулякрам в архитектуре соответствуют и симулякры, которые порождает адепты contemporary art, которые притворяются, что воспроизводят природу, но нечто, обозначающее предмет или явление, становится для них более важным, чем сам предмет. А еще более значитель-

ными становятся тексты искусствоведов, где наделяется высшим смыслом то, что для «профана» является кучей мусора, обрывками ткани или мазней на холсте.

«Ах, обмануть меня не трудно. Я сам обманываться рад», – как не вспомнить эти строки Александра Сергеевича, когда и архитекторы, и их заказчики, и те, для блага которых якобы и строятся бесчисленные квадратные метры жилых комплексов (заметьте, не домов!), торгово-развлекательных центров и прочих сооружений массового потребления, не отдадут себе отчёта в том, что они проживают свою единственную жизнь в окружении ложных предметов и с ложными целями, что настало время симулякров.

Картина мрачная, но «лучи света в темном царстве», тем не менее, появляются. Каменную и деревянную архитектуру недавнего прошлого в России иногда удается спасти энтузиастам, которые инстинктивно чувствуют холод и «упаковочную сущность» современного стро-

v Тальцы, деревянная церковь. Фото Елены Багиной

> Самара, жилой дом XIX века. Фото Елены Багиной

> Самара, жилой дом начала XX века. Фото Елены Багиной

ительного дизайна при всех преимуществах новых построек (энергоэффективность, относительный комфорт, гигиеничность, техническая оснащённость и пр.) И если на Манхэттене уже давно не осталось материальных следов Нового Амстердама, а многие жители Нью Йорка даже не подозревают, что некогда голландцы заложили их город, то жители российских городов еще могут видеть свидетельства жизни прошедших поколений. Исторические города России все еще остаются каменными и деревянными, индивидуальными и подлинными, хотя многое безвозвратно утрачено. Остается только осознать ценность их архитектуры и найти свой, индивидуальный путь развития. Мысль о том, что Россия не должна «идти в Европу», не должна бездумно копировать чужой опыт, звучит все чаще. Но это означает, что и в архитектуре может быть свой путь. Почему не строить в центре Иркутска, Красноярска, Тобольска рядом с сохранившейся деревянной застройкой XIX века деревянные малоэтажные или даже многоэтажные жилые дома? В бюро Тотана Кузембаева разрабатывают подобные проекты. Но пока они имеют статус «бумажных». Смешные и эклектичные, на первый взгляд, попытки калининградских архитекторов примирить хрущевские пятиэтажки с застройкой XIX века удалась, и улицы города после такой реконструкции преобразились. Время каменной архитектуры уходит. Но как материальное свидетельство прошлого, она должна жить. Возможно, строения из натуральных материалов в будущем станут привилегией тонкого слоя аристократов, зараженных пассеизмом. Эта тенденция прочитывается уже сегодня. В третьем тысячелетии мы переживем время симулякров. Возможно, этот период назовут безвременьем, кризисом или дадут иное имя. Но именно в кризисные периоды появляются ростки нового, того, что вновь будет претендовать на вечность. Ведь недаром больше столетия строится Искупительный храм Святого Семейства (Temple Expiatori de la Sagrada Família) Антонио Гауди. Каждое поколение вносит в него нечто свое.

Литература

1. Тайна и разум. Михайловский замок – оплот уходящей эпохи // «На ионийский лад я пою...»: Сборник статей в честь Н. М. Никули-

ной: Научное издание/Под ред. Н. А. Налимовой и др. – М.: «КДУ»; «Университетская книга», 2018. – С. 335–368

2. Выражение *architecture parlante* («говорящая архитектура») относится к зданиям, демонстрирующим свою функцию или сущность. Возникновение словосочетания связывают прежде всего с именем Клода-Николя Леду. Согласно Эмилю Кауфману, впервые термин был использован в критическом эссе неизвестного автора о творчестве Леду, написанном в 1852 году для *Magasin Pittoresque* и озаглавленном «*Etudes d'architecture en France*». В проекте соледобывающего города Шо, придуманного Леду, дом речного смотрителя стоит над рекой, дома обручников имеют форму бочек, а огромных размеров дом терпимости – форму фаллоса [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

3. Mall Of The Emirates в Дубае славится тем, что в нем действует крытый горнолыжный комплекс с лыжными спусками длиной 400 метров. Здесь можно посетить ледяную пещеру и отдохнуть в ресторане под елями. Заплати – и получиай свою порцию эмоций

4. Филиппов М. Лекция, прочитанная в университете Алвара Аалто в декабре 2009 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://filippovm.ru/concept/modernarch>

References

Filippov, M. (n.d.) *Lektsiya, pročitannaya v universitete Alvara Aalto v dekabre 2009 goda* [The Lecture Read at Alvar Aalto University in December 2009]. Retrieved from <http://filippovm.ru/concept/modernarch/>

Taina i razum. *Mikhailovsky zamok – oplot ukhodyashchei epokhi* [Mystery and Reason. Mikhailovsky Castle is a bastion of the outgoing epoch]. (2018). In N. A. Nalimova et al. (Eds.), *Na ioniijskiy lad ya poyu...* Collection of articles in honour of N. M. Nikulina: scientific publication (pp. 335-368). Moscow: KDU; Universitetskaya kniga.